

М. В. ПАНОВ

ПОЗИЦИОННАЯ
МОРФОЛОГИЯ
РУССКОГО ЯЗЫКА

«НАУКА» — ШКОЛА «ЯРК»

МОСКВА 1999

УДК 808.2
ЗБК 81.2Рус-2
П 16

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект 97-04-16289*

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Панов М.В.

Позиционная морфология русского языка. — М.: Наука, Школа
"Языки русской культуры", 1999. — 275 с.

ISBN 5-02-011716-1 ("Наука")

ISBN 5-7859-0060-2 (Школа "ЯПК")

Автор описывает грамматические единицы языка исходя из их позиционного поведения. Таким путем раскрываются законы их функционирования. В книге освещаются проблемы морфонологии, целостности слова, членности слова, частей речи, вопросы спряжения и склонения, позиционных чередований и нейтрализации морфологических единиц.

Для ученых-русистов, преподавателей вузов, учителей школ, студентов-филологов.

ТП-98-II-N121

ISBN 5-02-011716-1 ("Наука")

ISBN 5-7859-0060-2 (Школа "ЯПК")

© М.В. Панов, 1999

*Посвящаю эту книгу
своему первому и главному учителю
Алексею Михайловичу Сухотину,
ученому, педагогу, поэту, мыслителю.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава первая. Основные понятия	9
Глава вторая. Морфонология	24
Глава третья. Единство слова	56
Глава четвертая. Членимость слова	80
Глава пятая. Части речи	115
Глава шестая. Спряжение	176
Глава седьмая. Склонение	193
Глава восьмая. Позиционные чередования	216
Глава девятая. Нейтрализация	228
Глава десятая. Окно в лексику	247
Глава одиннадцатая. Окно в синтаксис	251
Заключение	256
<i>Приложение. Динамика русского языка в XVIII—XIX—XX веках</i> (фонетика и морфология)	259
Библиография	271

Глава первая

ОСНОВНЫЕ ПОНЯТИЯ

§ 1. Два ряда законов, действующих в языке. Сочетания и чередования; § 2—6. Понятие «сочетание единиц». Не совсем обычное определение синтагмы; § 7. Коренное различие между двумя языковыми случаями: «единицы по законам языка не могут сочетаться» и «единицы могут сочетаться, но их сочетание случайно не представлено в реальном фонде языка»; § 8—10. Синтагматические закономерности относятся к целому классу единиц; § 11—13. Синтагмо-фонема; § 14—19. Непривычное определение парадигмы. Парадигмо-фонемы; § 20—21. Позиционные чередования; § 22—25. Нейтрализация, синтагматическая и парадигматическая; § 26—32. «Докудова разность!» (Козьма Прутков). Синтагматические и парадигматические закономерности независимы друг от друга. Они не зеркальны. Два языковых мира. Разные взгляды у лингвистов на систему языка; § 33. Выводы.

§ 1. В языке действуют два ряда законов: законы сочетания единиц (синтагматика) и законы чередования единиц (парадигматика). Что же в языке называется сочетанием? Что — чередованием?

§ 2. Простая, самоочевидная данность в языке может быть обманчива. Доверять ей нельзя.

Пусть в каком-то тексте (например, на ленте звукозаписывающего аппарата) обнаружены сочетания: [pa], [k'э].

Значит ли это, что в данном языке налицо звуковые единицы |p|, |a|, |k'|, |э|?

Нет; чтобы установить языковую данность, недостаточно эмпирических сведений. Возможно, что в этом языке вслед за |p| всегда, непременно идет |a|; после |k'| неизбежен его спутник |э|. В любом слове. Эти соседи не живут друг без друга. Тогда [pa] и [k'э] — целостные нечленимые единицы. В языке элементарными звуковыми единствами работают |pa| и |k'э|.

Иной случай. Пусть сочетания |pa| и |k'э| формируются такими условиями: после |k'| могут быть только гласные переднего ряда, и |a| в этом случае принимает облик |э|. Тогда |э| — «инобытие» |a|. Они тождественны в механизме языка: |э| является тем же |a|, осуществленным в особом соседстве. Следовательно, в этом языке есть единицы: |p|, |k|, |a|, притом |a|, выступает в двух вариантах, в зависимости от позиции, от соседства.

Итак, в этом случае — три единицы.

Наконец, третий случай: в этом языке в разных словах есть такие сочетания: |ра| — |рэ|, |к'а| — |к'э|.

При таком соотношении сочетаний реально четыре отдельные единицы: |р|, |к'| и |а|, |э|. Наличие сочетания |ра| и |к'а| говорит о том, что есть различные единицы |р| и |к'|. Нельзя считать, что разница в звуках [р] и [к'] — это отражение разницы в соседних звуках: соседи одинаковы. Об этом же свидетельствует соотношение сочетаний |ра| и |к'э|. Различие между |р| и |к'|, самостоятельно.

С другой стороны: отношения между собой сочетаний |ра| и |рэ| (а также |к'а| и |к'э|) —, знак того, что есть различные единицы |а| и |э|. В этих случаях разница в указанных звуках явно не след воздействия неодинаковых соседних звуков сочетания. А откуда же она взялась? «От себя»: проявление собственных различий языковых единиц, данность системы.

Таким образом, механизм различения единиц языка состоит в том, что единицы приводятся к одной позиции: есть |ра|, |ка| — ergo: есть |р| и |к|; есть |ра|, |рэ| — ergo: есть |а| и |э|.

§ 3. Сказать, что АВ — сочетание единиц (синтагма), — это то же самое, что сказать: в позиции А возможна не только единица Б, и в позиции Б возможна не только единица А; в этих позициях возможны разные единицы. Разные единицы в одной позиции — это и есть требование, чтобы установить синтагмы.

АВ, если это синтагма, предполагает АВ' (АГ и т' д.): АВ нечленимо без АВ. Следовательно: изучать синтагмы = изучать единицы в одной позиции.

§ 4. Членимость АВ особенно очевидна, если в отдельном употреблении есть А (синтагма: А с нулем) и Б (синтагма: Б с нулем). Междометие *ау!* хорошо членился, потому что есть отдельно: — А? (вопросительная частица) и — У! (междометие). Сложное существительное *диван-кровать* (диван-кровати, диван-кроватью...): с несомненностью членился, так как есть в отдельном употреблении и *диван*, и *кровать*.

При этом важно помнить, что сами-то слова *диван* и *кровать* могут стоять отдельно только потому, что входят в сочетания, в синтагмы.

Вообще нормально и типично существование каждой единицы в составе синтагм, которые и дают определенность единице.

§ 5. Таким образом, мы признали тавтологичными две формулировки: изучать синтагмы (сочетания единиц) = изучать единицы в одной позиции. Законы построения синтагм и есть законы употребления единиц в одной позиции.

§ 6. Термин синтагматика, синтагматические закономерности (и его «напарник» — парадигматика) в лингвистических работах нашего времени сбит и часто обесмыслен.

Даны последовательности: там — том — тэм — тым — тум (на-
пример, в словах: *там, том, Анатема, золотым, тумба*). Что это? Ряд
синтагм.

А если сказано: между т...м возможны гласные:

а
о
э
ы
у

— то общая молва назовет это парадигмой. Все, что столбиком, — пара-
дигма. Между тем несомненно, что и в первом, и во втором случае речь
идет об одной и той же закономерности.

В общераспространенном лингвистическом словоупотреблении
большей частью противопоставление терминов парадигма и синтагма —
бессодержательно. Мы здесь понятие синтагма будем употреблять так:
законы построения синтагм — это законы употребления единиц в од-
ной позиции.

§ 7. Синтагматика изучает законы сочетания языковых единиц.
Эти законы имеют такой вид: единицы М и Т сочетаются друг с другом;
единицы M_1 и T_1 могут быть синтагматически несочетаемы, т. е. запре-
щены законами языка. И совершенно другой случай: сочетание МТ
может случайно не встретиться в избранном материале (например, в
словах современного русского языка нашей эпохи), но законы синтагматики
вовсе не против такого сочетания. Не отграничив один случай от другого,
мы не сможем определить языковые законы; синтагматические запреты
потонут в массе случайного. Разделить эти два случая необходимо.

Сравним сочетания [з'в] и [в'з]. Они похожи друг на друга: сосед-
ствуют два целевых звонких, первый — мягкий, второй — твердый. И
то, и другое сочетание в современном русском языке не встречаются.
Как бы широко мы ни захватывали речевой поток, не встретим таких
сочетаний в середине слова (не встретим и на границе слов; легко по-
нять, почему).

Но между этими двумя сочетаниями глубокая разница. Сочетание
[з'в] вполне законно. Синтагматика не против такого сочетания. Все
звонкие согласные сочетаются с последующими звонкими; мягкие зуб-
ные, весь класс, сочетаются с последующими твердыми губными: *пись-
мо, весьма, Кузьма, Вязьма, ведьма, тьма, резьба, ходьба, летьба* (неоло-
гизм В. Хлебникова). А то, что в текстах мы не встретили сочетания
[з'в], — простая «недоработка» лексики. Не приготовила она слов с та-
ким сочетанием, а появившись они — фонетика их бы приветствовала. На-
пример, по образцу *брат — братва* можно стадо гусей назвать (в шутку,
из озорства, в стихотворении) *гусьва*. Пусть о садке, где плавают *лини* и
язи, кто-нибудь скажет: «И вся эта *лньва* и *язьва* пойдет на обеды...»

Новообразования могут вызвать недовольство со словообразовательной стороны (использована непродуктивная модель); но произносительно они безупречны: отвечают артикуляционным привычкам, которые созданы действующими фонетическими законами. (По этой же причине учтен выше и неологизм Хлебникова: произносительно он отвечает норме.) Итак, сочетание $|з'в|$ вполне законно.

Иное дело сочетание $|в'з|$: оно нарушает синтагматические законы, потому-то и нет его в словах, в текстах. Мягкие губные не имеют права появляться перед твердыми зубными (вообще — перед твердыми согласными). Весь класс мягких губных! Сочетание $|в'з|$ с точки зрения синтагматики незаконно. Оно неслучайно отсутствует в языке.

§ 8. Необходимо иметь критерий, позволяющий разграничивать случайно отсутствующее и системно невозможное. Этот критерий и для синтагматики, и для парадигматики заключается в словах «без исключения».

§ 9. В синтагматике закономерность имеет место, если сочетаемость охватывает классы единиц, не отдельные особи, а сплошь все звуки определенного класса — без исключения. Например, перед $|р — р'|$ невозможны все зубные мягкие¹. Таким образом, запретны сочетания $|т'р|$, $|д'р|$, $|с'р|$, $|з'р|$, $|н'р|$.

Итак, синтагматическая закономерность доказывает свою правомочность, подчиняя целый класс единиц.

Не противоречит ли этому только что приведенный факт: перед $|в|$ могут быть все зубные мягкие, но нет $|з'|$. Такие случаи неполноты («клетка» в матрице закономерностей остается незаполненной) всегда можно распознать как лексическую случайность — теми способами, которые мы использовали.

§ 10. Совокупность звуков: $|к' — ц — ф — д' — ж — а|$ — назовем М. Выскажем утверждение: существует закономерность, что перед М в каком-то языке возможен некий звук Т. Это выражение бессмысленно: М — конгломерат разных звуков, не целостный класс, и сочетаемость Т с конгломератом не должна считаться закономерностью.

§ 11. Когда же совокупность единиц можно рассматривать в качестве класса? Только тогда, когда эта совокупность имеет общий признак, и все единицы, имеющие такой признак, входят в этот класс. То есть: эта совокупность выделена из массы единиц своим общим признаком; при помощи этого признака она противопоставлена остальным единицам. Например, в класс входят все зубные мягкие; или: в класс входят все звонкие шумные.

¹ Согласный $|л'|$ — особый, двухфокусный, он не входит в этот класс. Он не подчиняется законам для зубных согласных.

14. Каждая единица (в составе синтагмы), следовательно, расчленена на общий признак, признак класса, и на остальные. Остальные — те, которые свойственны разным единицам, представленным в одной позиции. Эти единицы (например, звуки) соотнесены как различные — и поэтому они различительны. Могут различать. Их соотношения требуют их дискретности, распадаения на различительные признаки.

Сама процедура синтагматического анализа расчленяет единицы на признаки; единицы, входящие в синтагму, дискретны. Сопоставляем: |па — п'а — ба — б'а — фа — ф'а — ва — в'а|. Необходимость различать эти синтагмы заставляет расчленить каждый согласный (= единицы в одной позиции) на составляющие признаки. Как минимум на два: признак, общий для всего класса, и нечто особое для каждой единицы. Чем больше соотнесено единиц (чем многочисленнее класс, возможный в данной позиции), тем больше выделяется различительных признаков.

Так, в нашем примере прежде всего выделяется общий признак, формирующий класс: это всё губные шумные согласные (и это — всё зубные шумные согласные). Их противопоставления в данной позиции потребуют выделения таких признаков: твердый — мягкий, глухой — звонкий, взрывной — шепелявой. Условия появления всех согласных одни и те же: перед |а|; следовательно, различия не вызваны извне, они — не порождение разных внешних влияний; значит, они внутренне заданы языковой системой. Они — самостоятельные данности, они — отдельные части механизма языка.

Сравним согласные в последних слогах слов *руке* и *пути*: |к'э| и |т'и|. Кажется, что согласные здесь в обоих случаях мягкие. Но сравнили-то мы согласные в разных позициях! И это скрыло от нас, что |т'| в слове *ти* действительно обладает мягкостью, а у |к'| в слове *ке* мягкость от соседа, вызвана позицией, в собственную характеристику |к| не входит.

§ 12. Пожалуй, теперь самое время сказать: минимальной единицей в синтагматике является не сегмент (совокупность признаков), а отдельный различительный признак. Однако, чтобы сохранить сопоставимость с данными парадигматики, где минимальная единица — обычно сегмент, мы чаще будем и при анализе сочетаний говорить о сегментах. (Помня, что они в синтагматике разлагаются на признаки.)

§ 13. В каждой позиции различаются несколько единиц. (А если всего одна единица? Тогда нет синтагмы. См. выше, § 2—6.) Они различаются — и потому различают единицы, в состав которых входят; так, фонемы различают морфемы и слова. Единицы в составе синтагмы — различители. Их работа — различать.

Сегменты, различающие морфемы и слова, здесь называются синтагмо-фонемами.

§ 14. Парадигму видим в таких случаях, где единицы объединяются потому, что находятся в разных позициях. Отношение между ними

ожет быть одно: они чередуются. Определенный звук, данный в одной позиции, заменяется другим звуком в другой позиции. Например, ударный гласный $|o|$ заменяется гласным $|и|$ в безударном слоге после мягких согласных: *нёс* — *н|и|сёт*, *тёплый* — *т|и|плее* и т. д.

§ 15. Среди чередований необходимо выделить случаи, когда чередование не знает исключений. Такие чередования являются позиционными. Чередование осуществляется во всех случаях, когда одна позиция сменяется другой. (Как видим, и здесь, в парадигматике, критерий включается в слова «без исключений».) Чередование $|o|$ — $|и|$ (в двух позициях: под ударением — в безударном слоге после мягкого согласного) относится как раз к позиционным чередованиям. Напротив, чередование в формах *два друга* — *друзья*, когда $|г|$ заменяется звуком $|з'|$, позиционно: нельзя определить позицию, в которой такая мена была бы последовательной, безысключительной.

Именно позиционно чередующиеся единицы составляют парадигму как особую языковую единицу, сопоставимую с синтагмой. Это — парадигмо-фонемы.

§ 16. Итак, есть языковые единицы, например $/т'/$ и $/м/$, которые входят в синтагму $/т'м/$ (ср. *тьма*). (Косыми скобками обозначаем синтагмо-фонемы.) И есть языковые единицы, например $<o>$ и $<и>$, которые составляют парадигму $<o> = |o| \parallel |и|$. (Угловыми скобками обозначим парадигмо-фонемы.)

Каждая единица языка входит во многие синтагмы и парадигмы. Вместе парадигматические и синтагматические отношения и составляют систему языка².

§ 17. И парадигмо- и синтагмо-закономерности устанавливаются в морфемах, словах, словосочетаниях, предложениях, в текстах. При этом для синтагматики важны линейные, сочетательные границы между морфемами: на стыках единиц закономерности иные, чем внутри языковых целостностей.

Без учета таких линейных граней нельзя построить синтагматику. Для парадигматики важна тождественность морфем, выступающих в разных позиционных условиях. Например, для чередования $|o| \parallel |и|$, о котором говорилось выше, необходимо сопоставление одной и той же морфемы в разных положениях (*нёс* — *несу*).

Таким образом, различие идет сразу в двух направлениях: если синтагматика, то важны л и н е й н ы е р а з г р а н и ч е н и я, разделения соприкасающихся единиц. Если парадигматика, то существенны

² Законы синтагматики были изучены в трудах ученых Пражской лингвистической школы; законы парадигматики — в работах Московской лингвистической школы. Истоки тех и других — у И. А. Бодуэна де Куртена и Ф. Ф. Фортунатова.

нелинейные отождествления единиц. Отношения линейные и нелинейные, отношения разграничения и отождествления.

§ 18. Если повторяется в речи *дом... дом... дом...*, то, конечно, чисто перцептивно отождествляются друг с другом: |д| в начале этих слов, |о| — в середине и |м|, замыкающее каждое из этих повторений, но такого отождествления единиц для языка недостаточно. Необходимо отождествлять, например, корни в словах: н|о|с, н|а|сы, н|ъ|совой, за н|ъ|с...

Если звуки позиционно чередуются, это гарантия того, что они не различители друг для друга. Они — функционально, по своей работе, тождественны. Поэтому естественно, что они выступают в роли отождествителей. В приведенном выше примере: (нос и пр.) ряд |о — а — ь| — средство отождествления корня. И эту функцию отождествления каждая из чередующихся единиц выражает всей своей целостностью.

Может быть, не так? Позиционно чередуются не целостности (звуки), а признаки? Например, позиционно чередуются лабиализованность (у гласного |о| под ударением) и нелабиализованность |у| безударного |а| (*дом* $\neq$ *дома*)? Однако такое позиционное чередование отсутствует в случае: *труд* — *труды* при гласном |у|. Оказывается, позиционное чередование «лабиализованность (в ударном слове) — нелабиализованность (в безударном)» существует только для |о|, для этой звуковой целостности, и позиционной закономерности подчиняется именно эта целостность.

Итак, сама процедура анализа парадигматических единиц неспособствует их расчленению на признаки.

§ 19. Операция выделения и определения синтагматических единиц ведет к признанию их дискретности. Синтагматика имеет дело с классами единиц, следовательно, выделяется признак класса; разграничиваются эти единицы с помощью дифференциальных единиц (различителей), нейтрализуются они с помощью нулизации признака.

Напротив, парадигматические единицы при всех операциях, связанных с их функционированием, выступают как нечленимые целостности — континуумы.

Нет операций, которая требовала бы разложения единицы, входящей в позиционное чередование, на составляющие признаки. Единицы, входящие в чередование, даны целостно, всей совокупностью своих признаков. Выделить отдельные признаки как признаки парадигматически существенные невозможно. Единица парадигмы — 'континуум', нечленимое целое. (Впервые в 50-х годах об этом сказал В. Н. Сидоров.)

§ 20. Вот формула позиционного чередования:

Т ¹	Т ²
N	M

Единица N, данная в позиции T¹, заменяется в позиции T² во всех случаях без исключения единицей M. И поэтому они являют собою языковое тождество. Они в механизме языка — одно и то же. Так, всякое ударное |o| в позиции после твердого согласного в первом предударном слоге заменяется гласным |a|. То есть:

T ¹	T ²
a	o

Чередующиеся |ó| и |a| являются тождеством; парадигма <o> = |ó| || |a| отождествляет |o| и |a|. В словах обозначим ее так: <нос>, <носовой>, <на нос>. Такую парадигму назовем парадигмо-фонемой.

§ 21. В позиционном чередовании нередко находятся единицы, похожие друг на друга. Так, |з| (перед гласным: *глаза*) меняется на |с| (перед паузой). Причем |з| и |с| — звуки, имеющие многие общие черты. При позиционных чередованиях так бывает часто. Но далеко не всегда: позиционно чередоваться могут совершенно различные звуки, не объединенные никакими общими признаками. Взаимоподобие членов парадигмы — необязательная и даже несущественная черта для позиционных чередований. При этом:

I. Не требуется сходства между единицами, которые позиционно сменяют друг друга (т. е. находятся в позиционном чередовании). Так, ударный гласный |o| чередуется при смене позиции с |a|: *но́ша — ношú*, с |ъ|: *но́сит — выно́сил свой замысел*, с |и|: *нёс — вынёс*; наконец, в аллегровой речи то же самое <o> реализуется нулем гласного при слогаобразующем качестве <н>: *вынесет* = [вын'с'ьт]. Никакого общего качества у <o> с его многими заместителями нет.

II. Не требуется сходства между тем, что образует позицию, и тем, что находится в позиции. Так, |o| меняется на |a| в первом предударном слоге после твердого согласного. Никакого сходства между явлениями «гласный |a|» и «первый предударный слог с прикрывающим твердым согласным» нет, это разнородные явления. В отдельных случаях такое сходство имеет место: звонкие шумные заменяются глухими шумными перед глухими шумными (*много сказок — сказки*), но это именно один из возможных случаев, а не настоятельная необходимость системы; не условие, при котором осуществляется закономерность, а только особенность некоторых чередований.

III. Не требуется сходства между единицами, которые подвергаются одинаковым парадигматическим заменам. Так, в первом предударном слоге после мягкого согласного одинаково заменяются гласным [и] ударные |и, э, о, а|. А ведь гласные эти принадлежат к разным производительным и акустическим группам.

Следовательно, позиционное чередование устанавливается при одном условии: нужно, чтобы между единицами было отношение безысключительной замены: N в позиции T¹ || M в позиции T².

§ 22. Нейтрализация. Две разные единицы (или несколько единиц) в определенной позиции теряют свои различия, в речевой цепи они получают одно выражение. В синтагматике и в парадигматике нейтрализации различны.

Какова нейтрализация в синтагматике?

§ 23. Если в данной позиции признак не противопоставлен другому признаку (например, звонкость → глухости), то он теряет функцию различения и, следовательно, перестает быть синтагматически значим. Функционально он мертв.

В слове *тот* первый согласный — четырехпризнаковый, а последний — трехпризнаковый (не действует глухость).

Точно так же сочетание согласных [тп] (*отпор*, *подполз*) следует изобразить так:

т	п
зубной	губной
—	глухой
твердый	твердый
взрывной	взрывной

Это же можно показать по-другому:

зубной	глухой	губной
твердый		твердый
взрывной		взрывной

Признак «глухой» считаем общим, разливающимся на два сегмента. Признак «глухость» у [к] неизбежно влечет признак «глухость» у предшествующего [т]. Эта предыдущая глухость не избирается: она навязана позицией. Напротив, признаки «взрывной» + «взрывной» нельзя объединить в некую целостность: можно первую «взрывность» переменить на «фрикативность» (получится [сп], например *спор*), можно переменить и признак взрывного у второго согласного (получится [тф], например *бите*). Как видно, признаки «взрывной» + «взрывной» здесь не сливаются, каждый ведет отдельную жизнь.

§ 24. Перед гласными непереднего ряда [а — о — у] в русском языке возможны 25 шумных согласных. На конце слова — 14, значительно меньше. Потому что в этой позиции невозможен весь класс звонких шумных.